

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Седельников Михаил Валерьевич

*К.ф.н., доцент, Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск
mike.sedelnikov@yandex.ru*

SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS IN MODERN RUSSIA: SOCIAL AND POLITICAL PROSPECTS

M. Sedelnikov

Summary: The article is devoted to the socio-philosophical understanding of the nature of Russia's technological development in the context of the growing impact of sanctions, since today the progress of science and technology acts as a determining factor in political and socio-economic dynamics. It is noted that at the state level, the primary stabilizing tasks are to support Russian science and science-intensive industry, qualitatively strengthen the role of science in culture and society, and transform the model of managing scientific and technological processes based on certain technocratic principles. These measures will not only increase the stability of the political regime, increase the efficiency of the production of consumer goods and concentrate resources, but also reorient Russian society towards the achievements of domestic science and technology, reduce the excessive consumption of material goods, and minimize dependence on technology imports. In the future, the growth of scientific enlightenment of the population and the introduction of innovative technologies will make it possible to rethink the quantitative level of expenditures, based on the principles of rationalism and pragmatism, and also to maintain the leading role of Russia on the scale of technogenic human civilization.

Keywords: scientific and technological progress, political regime, social development, high-tech production, sanctions in the field of science and technology, technocratic management model.

Аннотация: Статья посвящена социально-философскому осмыслению характера технологического развития России в контексте нарастающего воздействия санкций, поскольку сегодня прогресс науки и техники выступает в качестве детерминирующего фактора политической и социально-экономической динамики. Отмечается, что на государственном уровне первоочередными стабилизирующими задачами являются поддержка российской науки и наукоемкой промышленности, качественное усиление роли науки в культуре и обществе, трансформация модели управления научно-технологическими процессами на основе отдельных технократических принципов. Эти меры смогут не только повысить стабильность политического режима, увеличить эффективность производства товаров народного потребления и сконцентрировать ресурсы, но и переориентировать российское общество на достижения отечественной науки и техники, снизить чрезмерный уровень потребления материальных благ, свести к минимуму зависимость от импорта технологий. В перспективе рост научной просвещенности населения и внедрение инновационных технологий позволит переосмыслить количественный уровень расходов, основываясь на принципах рационализма и прагматизма, а также сохранить ведущую роль России в масштабе техногенной человеческой цивилизации.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, политический режим, социальное развитие, высокотехнологичное производство, санкции в сфере науки и технологий, технократическая модель управления.

С тех пор, как наука стала считаться особым социальным институтом, а научное сообщество – сложной самоорганизующейся системой, их положение в государстве принимается во внимание как один из показателей, который позволяет в определенной мере зафиксировать степень развития экономической, технологической и политической действительности. Сегодня вопрос о будущем научно-технического развития России представляет глубокий интерес для социально-философского осмысления по целому ряду причин, главная из которых заключается в том, что уровень развития науки, интенсификации исследовательских программ и интеграции современных технологий в целом выступает в качестве детерминирующего фактора динамики общества, позволяя также проанализировать перспективы его эволюции. В связи с ростом общественного благосостояния, происходящим благодаря внедрению научно-технических достижений, немаловажной представляется и

оценка возможной опасности необратимых трансформаций социального характера для современного человека, живущего в России. Тяга к гипертрофированному потреблению и искусственно созданным материальным потребностям, стремление людей к их удовлетворению способно менять жизненные, культурные, политические ориентиры общества в целом.

Совсем недавно, 25 апреля 2022 г. на высшем государственном уровне период с 2022 по 2031 г.г. был объявлен «Десятилетием науки и технологий» [3]. Очевидно, что данным решением российская власть преследует закономерную цель – улучшение положения отечественной научной сферы и наращивание собственного технического потенциала для решения ключевых экономических задач в условиях международных санкций, введение которых было спровоцировано геополитической напряженностью. Санкционное давление при-

вело к свертыванию в России (временному или окончательному) ряда зарубежных производств и оттоку из страны передовой техники и наукоемких технологий, в числе которых – авиация, микроэлектроника, автомобилестроение, связь и цифровые коммуникации. По объективным причинам прерываются международные научные связи и замораживаются совместные экспериментальные проекты, что будет наблюдаться и в просматриваемой перспективе. Именно в связи с этим и возникает дилемма, ставшая предметом рассмотрения в данной работе: какая модель управления научно-технологическими процессами в масштабах российского политического режима окажется наиболее эффективной и будут ли актуальные тенденции отражать регрессивность вектора научно-технического развития России, которая столкнется с нарастающим технологическим отставанием, или же отказ от иностранных технологий приведет к своеобразному «ренессансу» и даст возможность в короткие сроки обновить и реконструировать отечественную систему науки и инженерную составляющую высокотехнологичного производства, используя уже имеющийся потенциал.

Непростая ситуация, в которой в сегодняшней России оказался исторический ход научно-технического прогресса, имеет свое логическое объяснение. Очередная промышленно-технологическая революция, начавшаяся с середины XX века, к концу этого столетия привела наиболее развитые страны к наукоемкому производству, основанному на широком применении автоматизации и внедрении цифровых технологий в управлении технологическими процессами. Вместе с тем произошло укрепление и совершенствование так называемой кейнсианской модели макроэкономического регулирования (основывающейся на необходимости государственного вмешательства в капиталистическую экономику и кредитно-денежную политику), которое привело ряд стран Запада к возникновению постиндустриального общества. Его основными компонентами стали информационная революция и беспрецедентное развитие высоких технологий. Знания стали решающим фактором развития экономики, приводя к повышению производительности труда и выдвигая на первый план человеческий капитал, увеличивая число изобретательской активности и инноваций [10, с. 114-119]. Возникли новые прогрессивные тренды, например, дематериализация – внедрение технологических процессов, основанных на цифровых технологиях, позволяющих экономить природные ресурсы (вторичная переработка сырья, оцифровка книг, конвертация музыкальных произведений и т.д.) [4, с. 169-170].

Как уже рассматривалось нами ранее [6], несмотря на концептуальную поддержку этого тренда, научно-исследовательские институты и индустриальные предприятия нашей страны, сформированные по большей части при социалистическом режиме, вследствие политиче-

ской турбулентности и экономических неурядиц начала 1990-х гг., не сумели своевременно трансформироваться по ряду причин. Во-первых, так и не была сформирована новая прикладная научная система для возникновения структур, основополагающий ресурс которых базировался бы на интеллекте инженера и изобретателя. Предшествующая система к тому времени была дезинтегрирована, большая часть практически ориентированных НИИ закрылась, механизмы патентного права были исключительно медлительными. Во-вторых, фундаментальную академическую науку в это время фактически поставили в условия «самовыживания», поскольку государственное расходование средств на нее постоянно и резко снижалось. Возник ряд негативных тенденций: задержки заработной платы научных работников, эмиграция или смена рода деятельности, искусственная конфронтация между академической и вузовской наукой. В конечном счете, Россия осталась в стороне технологической революции.

Динамика постиндустриального вектора развития была потеряна, потому выбор пал на модернизацию существующей индустриальной модели экономики, причем в двунаправленном варианте: с сохранением оборонного направления и сосредоточением на нуждах добывающей промышленности. Российские гражданские технологии, где в связи с глобализацией рынка намечалась высокая степень конкуренции и вовлеченности инженеров и ученых, остались по большей мере невостребованными. Важно отметить, что во времена существования СССР рынок отечественных потребительских товаров был во многом дефицитным, а импортная бытовая техника, автомобили, электроника являлись практически недостижимой мечтой для большей части общества. Эту ситуацию, вызванную изъянами советской плановой экономики, с современных позиций принято всесторонне критиковать.

Вместе с тем, если обращаться к целям марксизма, принятого в Советском Союзе на идеологическом и мировоззренческом уровнях, то можно констатировать, что одна из исходных целей К. Маркса – построение общества разумной достаточности, в котором человек освобождается от материальной алчности и достигает оптимума в потреблении, обретая в этом полноту духовного богатства жизни – и сегодня выглядит рациональной. Противовес этому общественному укладу – диссонирующее с ним индустриальное общество. В нем человек имеет слишком многое, бесконечно потребляет и, таким образом, лишается свободы, становясь рабом возрастающих потребностей, которыми, в значительной степени, манипулирует капиталистическая система. Трудно не согласиться с К. Марксом полагающим, что производство слишком большого количества полезных вещей производит слишком много бесполезного населения [1, с. 603].

Позже неомарксисты, в частности, Э. Фромм, творче-

ски переосмысливая идеи марксизма, приводили мнение о том, что фундаментом общества свободного потребления должны стать, с одной стороны, стремления к ликвидации бедности, оптимальному достатку и бережливости, с другой – искоренение чрезмерного богатства и расточительности. Эта модель призвана поэтапно увеличивать степень человеческой свободы и противостоять формированию социального характера так называемого «человека потребляющего» (*homo consumens*), главной целью которого является не владение вещами, а увеличивающееся их потребление, формирующее внутреннюю пустоту и тревожность индивида [8, с. 46-48]. В свою очередь, Г. Маркузе считал, что у индустриального общества присутствует инструментарий, позволяющий преобразовывать метафизическое в физическое, внутреннее во внешнее, события в сознании человека в события в сфере технологии. Соответственно, перевод ценностей в потребности – процесс двойственный: во-первых, происходит материальное удовлетворение (материализация свободы), во-вторых – начинается свободное развитие потребностей на основе удовлетворения. Данный процесс, полагал философ, кардинально меняет соотношение материальных и интеллектуальных способностей в обществе, ориентированном на технологии [2, с. 307].

Однако в построениях советского политического режима так и не удалось разрешить это противоречие вследствие несбалансированности плановой экономики и глубоких политико-социальных проблем; сама же идея о разумном потреблении была постепенно дискредитирована тотальным отсутствием продуктов и товаров. Соответственно, в связи с крушением системы социализма в нашей стране проблема удовлетворения материальных потребностей населения потребовала оперативного принятия мер. Государство, приняв в расчет материальные запросы общества, наполнило рынок товаров народного потребления «вождем» импортом, что в перспективе позволило снизить социальную напряженность и стабилизировать политический режим к середине 2000-х годов. Однако оказалось, что лишь на экономическом уровне ситуацию не решить: требуются концептуальные схемы новой модели управления в сфере науки и технологий, появляется необходимость осмысления механизмов удовлетворения потребностей населения потребительскими товарами и понимания внутренней природы и перспектив научно-технического прогресса.

В последние два десятилетия Россия не испытывала недостатка в образцах зарубежной научно-технической мысли: импортные автомобили, компьютеры, гаджеты, лекарства, бытовая химия прочно вошли в повседневную жизнь российского общества, что с позиции роста экономического благополучия видится уместным. Однако данные тенденции, абсолютизовав материальные потребности индивида, привели к формированию

психологии массового потребления, всеобщую закредитованность населения, и сформировали в обществе систему достаточно упрощенных ценностей. Сегодня достижения технического прогресса своевременно причисляют к новому «культу», поскольку наблюдается своеобразная форма сакрализации техники (автомобилей, смартфонов и т.п.), обладание которой рассматривается как самоцель, приносящая человеку удовольствие. Эта современная тенденция подробно исследуется специалистами, справедливо полагающими, что стремление к сосредоточению и накоплению собственности является нормой, в соответствии с которой функционирует общество. Для богатых слоев данная потребность связана с приобретением имущества и извлечением прибыли, что увеличивает привлекательность богачей в глазах основной массы малообеспеченных, порождает зависть и стимулирует схожие процессы накопительства, удовлетворяя чувство собственности [9, с. 285-288].

Справедливо отметить, что описанные процессы не обязательно деструктивны: при рыночной модели экономики подобная диспропорция помогает человеку развиваться, поощряя соперничество индивидов. Между тем, объективным является тот факт, что в сегодняшней России подавляющее количество техники и имущества, находящихся в собственности у населения – продукция иностранного научно-технического прогресса. Соответственно, все слои российского общества для удовлетворения своего потребительского чувства стимулируют (в большинстве случаев) развитие не отечественной, а зарубежной научной и инженерной мысли. Таким образом, процессы обеспечения материальных потребностей могут транслировать и постепенно закреплять в обществе новые, зачастую несвойственные и деструктивные идеологические, исторические и социокультурные ценности, формируя недоверчивое и даже неприязненное отношение к достижениям отечественных ученых. Обращает на себя внимание и то, что за последнее время крупных государственных проектов, объединяющих отечественную науку и промышленность (например, в области биотехнологии, микроэлектроники, нанотехнологии), массово не наблюдается, либо их результаты не доходят до реального воплощения.

Научно-техническое развитие, основывающееся на принципах технического (технологического) детерминизма, неоднократно анализировалось в качестве главенствующего фактора цивилизации в концепциях неоеволюционизма, постиндустриализма, технотронного общества и др. [5]. Многие ученые, считая главным фактором развития общества технику и технологии, основанные на расширении научного знания, придерживались этих позиций. Г. Маркузе полагал, что конституируя себя методически как политическое предприятие, наука и технология преодолевают свою нейтральность, вследствие которой они были подчинены политике и во-

преки своим целям функционировали как политические инструменты, и входят в новый этап своего развития [2, с. 306]. По мнению Э. Тоффлера, в конструкции современного общества и его динамике существенную роль играет «техносфера», производящая и распределяющая блага, в соответствии с изменениями в которой модифицируются социо- и инфосфера, которые, в свою очередь, влияют на сферу власти и психосферу [7, с. 261, с. 577].

В сегодняшней России решить проблемы зависимости научно-технической сферы от социального развития (которое, как показывает практика, вторично и подчинено техническому прогрессу) возможно, пойдя по пути реализации теоретических основ философской концепции технологического детерминизма. Эти теоретико-методологические установки в современном государстве приводят к процессам возникновения на уровне политической системы технократической модели управления, предусматривающей постепенный трансферт властных рычагов от профессиональных политиков к технократам, владеющих специальными знаниями – ученым, инженерам, техническим специалистам. Представляется, что, сделав ставку на этот наиболее прогрессивный социальный класс, в России реально эффективно ограничить уровень политического доминирования финансово-олигархических и других групп влияния, отрегулировать ситуацию с чрезмерным уровнем потребления материальных благ обществом, свести к минимуму зависимость от импорта технологий и научных достижений, интенсифицировать отечественную науку и промышленность.

Социально-философское осмысление соотношения материальных потребностей общества с вероятными векторами научно-технического прогресса в России на современном этапе развития позволяет сформулировать ряд выводов:

1. За непродолжительное время для значительной части российского населения импортные потребительские товары и иностранные технические инновации стали индикаторами процветания и достатка, что, в свою очередь, серьезным образом переформатировало как сферу повседневной жизни человека, так и отношение к этому со стороны власти. Вместе с тем, решение вопроса о соотношении материального и нематериального

в российском обществе поможет выработать парадигму отношения человека к эволюции научно-технического прогресса в России не как к проблеме доступа к потреблению благ иностранного производства, а возможности концептуального переосмысления количественного уровня расходов, придя к мысли о разумной достаточности.

2. Очевидно, что марксистское воплощение социализма в нашей стране не смогло стать системой, в которой первостепенной целью являлось бы совершенствование человека, свободного от чрезмерного потребления, скорее, наблюдались обратные тенденции. Наряду с этим, марксистская диалектика производства и потребления (необходимость производить материальные блага для того, чтобы удовлетворить потребности людей) в XXI веке не устарела. Поскольку удовлетворенные потребности ведут к новым потребностям, а новое производство культивирует очередные запросы, в обозримом будущем эти процессы не затормозятся – социальный прогресс во многом определяется прогрессом техники. Поэтому в характере современного российского политического режима должны найти отражение идеи и принципы разумной модели технократического управления обществом, что обеспечит трансформацию производства, интеллектуальное социальное проектирование, прагматичную концентрацию ресурсов.
3. Для сохранения стабильности российской политической системы, которая столкнулась с серьезными инфраструктурными проблемами в экономике, порожденными санкциями, ключевой задачей будет являться адекватное понимание ситуации дистанцирования от мировой научной и производственной систем, и вероятной технологической стагнации. Чтобы избежать подобного развития событий, в социальном управлении необходима широкомасштабная поддержка науки и наукоемкой промышленности, качественное усиление роли науки в культуре и обществе в целом. Рост научной просвещенности, переориентация людей на достижения отечественного научно-технического прогресса сможет сохранить ведущую роль России в контексте человеческой техногенной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 689 с.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
3. Официальный интернет-портал правовой информации. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (дата обращения: 16.05.2022).
4. Пинкер С. Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 626 с.
5. Седельников М.В. Прошлое и будущее технократической политической системы // Сложные системы: целостность, иерархия, идентичность: моногра-

- фия / В.А. Устюгов, В.И. Кудашов, М.А. Петров [и др]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 117-134.
6. Седельников М.В. Философская парадигма взаимоотношений государственной бюрократии и научного сообщества // Образы науки в зеркале философии: монография. / Под науч. ред. Кудашова В.И. Ульяновск: Зебра, 2018. С. 53-74.
 7. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 781 с.
 8. Фромм Э. Искусство быть. М.: Аст, 2013. 348 с.
 9. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? М.: АСТ, 2009. 442 с.
 10. Хайтун С.Д. Кризис науки как зеркальное отражение кризиса теории познания. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.

© Седельников Михаил Валерьевич (mike.sedelnikov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сибирский федеральный университет